

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Konstantin LEVITAN, Doctor of Pedagogics, professor
Urals State Law Academy
Russia, 620014, Ekaterinburg, Komsomolskaya, 21
e-mail: levi22992@yandex.ru

Краткое содержание: В статье излагается лингводидактическая концепция обучения юридическому переводу, основанная на использовании сопоставительного анализа национально-культурных концептосфер, контактирующих в учебном процессе. Анализируются особенности языка права и профессиональной коммуникации в сфере права, специфика юридического перевода, составные элементы профессиональной компетентности юриста-переводчика, трудности перевода юридических терминов, стратегические и методические вопросы обучения студентов переводу юридической терминологии, включая фразеологические единицы. Предлагаемая методика обучения юридическому переводу расширяет представления студентов о социально-культурном контексте использования иностранного юридического языка его носителями. Чтобы обеспечить эквивалентный перевод юридических текстов, студенты должны учитывать специфику национальных правовых систем, использовать необходимые переводческие трансформации и находить релевантные юридические термины. Главная цель перевода: сблизить две концептуальные картины мира. Предполагается, что такой подход поможет студентам овладеть новыми способами концептуализации юридической действительности и будет способствовать развитию переводческой компетентности, профессиональных умений, лингвокреативных способностей будущих переводчиков.

THE LINGUODIDACTIC ASPECT OF LEGAL TERMINOLOGY TRANSLATION PROBLEMS

Abstract: The paper presents a linguodidactic approach to teaching legal translation based on the comparative analysis of national and cultural concept spheres, contacting in the learning process. Peculiarities of legal language and professional communication in the sphere of law, specific features of legal translation, components of legal translation competence, difficulties connected with the translation of legal terms, and strategic and methodological issues of teaching law terminology translation including phraseological units are analyzed in detail. The author describes the methods and techniques which extend the students conceptions of sociocultural context, in which the target language is used by native speakers. To provide the equivalent translation of legal texts, the students must take into consideration the specific character of national law systems, use the right translation transformations, and find relevant legal terms. The main purpose of the translation is to bring together two conceptual pictures of the world. It is supposed that such an approach can help students to learn the new ways of world conceptualization and will stimulate the self-development of future translators, fostering their professional skills and creativity.

LINGWISTYCZNO-DYDAKTYCZNE ASPEKTY PROBLEMATYKI PRZEKŁADU TERMINOLOGII PRAWNICZEJ

Abstrakt: Praca przedstawia lingwistyczno-dydaktyczne podejście do nauczania przekładu prawniczego oparte na analizie porównawczej pojęć zakorzenionych kulturowo i typowych dla danego krajowego systemu prawa. Autor szczegółowo omawia cechy charakterystyczne języka prawa i komunikacji prawniczej, przekładu prawniczego, w tym trudności związanych z tłumaczeniem terminologii prawnej i prawniczej, kompetencji tłumacza prawniczego oraz metodologii nauczania przekładu prawniczego. W artykule zostały omówione metody i techniki stosowane do poszerzania kompetencji translatorskich studentów w celu nauczania ich metod konceptualizacji świata języka prawa i i stymulowania przyszłego rozwoju kompetencji zawodowych i kreatywności.

1. Введение

Модернизация российского юридического образования, как, впрочем, и всей системы высшего профессионального образования, характеризуется его фундаментализацией, интернационализацией и углубленной специализацией. В русле этих тенденций кафедра русского, иностранных языков и культуры речи Уральской государственной юридической академии разработала и в течение последних десяти лет успешно реализует программу подготовки юристов-переводчиков в сфере профессиональной коммуникации. Кроме того, студентам международно-правовой специализации преподается (после обязательного двухгодичного изучения иностранного языка) с третьего по пятый курс углубленный курс **юридического иностранного языка**, в рамках которого основное место занимает новая учебная дисциплина «Теория и практика юридического перевода». Эти нововведения обусловили необходимость разработки адекватной научно-методической концепции обучения юридическому переводу с учетом последних достижений методики преподавания иностранных языков, транслатологии, сопоставительной лингвистики и создания на этой основе современных учебно-методических пособий и терминологических словарей, что частично уже было предметом наших публикаций (Levitan 2007; Левитан 2008).

Цель настоящей статьи – изложить основные положения данной концепции, в частности, раскрыть особенности языка права и профессиональной коммуникации в сфере права, выделить специфику юридического перевода и трудности перевода юридических терминов, а также осветить методические вопросы обучения студентов переводу юридической терминологии, включая фразеологические единицы (ФЕ).

2. Особенности языка права и профессиональной коммуникации в сфере права

Профессиональная коммуникация осуществляется на основе определенного профессионального языка (например, подязыка права), закрепленного за той или иной сферой профессионального общения. Этот язык представляет собой совокупность терминологии и определенных стилистических приемов, характерных для

текстов данной профессиональной тематики. При этом следует иметь в виду, что в любом языке осуществляются акты интерпретации мира человеком. Различные языки отражают различное мировидение. Язык формирует для его народа-носителя определенную картину мира (в том числе в сфере права). Под **языковой картиной мира** понимается зафиксированная в языке и специфическая для данного языкового коллектива схема восприятия действительности, т.е. языковая картина мира – это своего рода мировидение через призму языка. Поэтому основой для реконструкции языковой картины мира должны быть как статические структуры (грамматика, лексика, фразеология), так и динамические конструкты – тексты в их узком и широком семиотическом понимании. Юридические тексты выполняют, как правило, познавательную и предписывающую функции.

Юридические тексты имеют большое общественное значение, так как они определяют права и обязанности физических и юридических лиц, полномочия властных структур, правила их поведения, а также санкции при нарушении данных правил. Язык права, на котором записываются и распространяются юридические тексты, является частью литературного языка; он основан на отборе соответствующих языковых средств и их организации и является вариантом официально-делового стиля. В соответствии с предложенной Т.В. Губаевой классификацией мы используем при обучении юридическому переводу аутентичные тексты на английском, немецком, французском и русском языках четырех видов:

- 1) нормативные (законодательные),
- 2) научно- и учебно-правовые,
- 3) судопроизводства,
- 4) юридических документов (Губаева 2004).

Своеобразие любого национального языка права определяется его органической связью с соответствующей правовой системой конкретного государства. В отличие, например, от математики, химии, экономики и других наук, предмет которых во многих странах является идентичным, специфика правоведения и языка права заключается в том, что юристы различных стран мира имеют дело с чрезвычайно отличающимися друг от друга сферами своей предметной деятельности. Большая часть права, которым занимается подавляющее большинство юристов, относится к соответствующему национальному праву. Исключение составляют международное право, международное частное и евро-пейское право. Несмотря на некоторое сходство правовых систем, прежде всего стран континентальной Европы, каждое государство имеет свой собственный правопорядок, свои специфические правовые нормы, свои традиционные формы и процедуры судопроизводства и собственный язык права с соответствующей понятийно-терминологической системой.

Изучение иностранного языка означает поэтому для юриста одновременное изучение другой правовой системы. Перевод юридических текстов с одного языка на другой предполагает не только переход от одного языка к другому, но и одновременно переход от одной правовой системы, представленной в сознании юриста-переводчика как концептуальная картина юридической действительности своей страны, к другому миру права. Русскоязычный термин *право*, например, по своему значению и объему далеко не всегда совпадает с немецкоязычным термином

Recht (ср. формулировку конституционного положения: *Bundesrecht bricht Landesrecht*), а также с англоязычными *right, law*.

Ключевой англоязычный юридический термин *law* соответствует русскоязычному понятию объективного права, означает *закон, судопроизводство*, тогда как субъективное право передается словом *right*. Например, *common law* – общее право, *comparative law* – сравнительное правоведение, *rule of law* – верховенство закона, *to stand to the law* – предстать перед законом, *right of privacy* – право на неприкосновенность частной жизни, *assignment of rights* – уступка прав. А вот немецкоязычный термин *Recht* может означать как индивидуальное право, так и *закон, правосудие*, например: *Recht auf Bildung* – право на образование, *Baurecht* – законодательство, регулирующее строительство.

Основные понятия английского общего права *equity, forms of action, consideration* не имеют соответствующих эквивалентов в языках права стран континентальной Европы и могут быть поняты только на основе изучения особенностей английской правовой системы, ее истории. Аналогично обстоят дела со способами доказывания в судебном процессе, значением судебного решения и закона, делением общего права на отрасли права и их названиями.

Язык права особенно чутко реагирует на изменения социально-политической жизни каждого общества, оперативно отражает их в своем лексическом составе, что обуславливает определенные трудности при переводе юридических текстов. Связи культуры и национального языка больше всего проявляются в его лексике. В каждом языке есть слова, не имеющие однословного перевода на другой язык. Эти слова обозначают обычно реалии жизни конкретного социума, отражая национальный компонент в культуре каждого народа.

Известный немецкий юрист Э. Рабель предупреждал о бесконечных сложностях, возникающих при сравнительном изучении различных правовых систем, в частности при овладении иностранным языком и подъязыком права, подготовке литературного аппарата, проникновении в дух иностранного права, что позволяет судить об отдельной правовой норме только во взаимосвязи с правовой системой в целом. Он отмечал, что образовательная ценность римского, английского, французского права соответствует довольно точно латинскому, английскому, французскому языкам. Но лишь сравнение с собственным правом является для юристов тем же, чем зарубежное страноведение является для дипломатов и коммерсантов. При этом он подчеркивал: никакой русской широты души и никакой французской элегантности, а лишь немецкая добросовестность! По его мнению, ничто не вредило сравнительному правоведению больше, чем известный дилетантизм (Rabel 1967).

3. Специфика юридического перевода

Юридический перевод как область практической речевой деятельности имеет своим объектом передачу содержания письменных и устных юридических текстов на исходном языке (ИЯ) средствами переводящего языка (ПЯ) с равноценным регулятивным воздействием. Как учебная дисциплина юридический перевод преследует цель развития у студентов переводческой компетентности на

основе изучения иностранных правовых систем, надгосударственного и глобального права, языковых особенностей юридических текстов на ИЯ и ПЯ, техники и специфики юридического перевода. Точный корректно выполненный перевод юридического текста особенно важен для всех участников межкультурной профессиональной коммуникации. Юрист-переводчик несет большую моральную и правовую ответственность за качество и правильность перевода в сфере политики, права, дипломатии, военного дела, экологического сотрудничества, коммерческой деятельности.

Когнитивная информация содержится в первую очередь в юридических терминах. Они обладают всеми характерными признаками терминов: однозначность (абсолютная или относительная), отсутствие эмоциональной окраски, системность, точность, краткость, независимость от контекста. Часть из них известна не только юристам, но и всякому носителю языка, так как область применения их выходит за рамки юридического текста.

Как и любая терминосистема, язык права включает термины, образованные на основе переосмысления лексических единиц (ЛЕ) нейтрального слоя лексики, а также ЛЕ, находящиеся на пересечении юридической терминосистемы с общественно-политической, исторической, экономической терминологией. В составе юридической терминологии можно выделить как общенаучные термины (*control, ground, inference*), так и ЛЕ, возникшие как собственно юридические термины.

Юридическая терминология – это система ЛЕ, отражающая связи между сложными, многоаспектными и специфическими понятиями, которыми оперирует юриспруденция. Юридическая терминология является, с одной стороны, зеркальным отражением системности права, с другой – она имеет свою системность как собственно языковое образование. При переводе желательно учитывать эту внутриязыковую системность. Перевод термина в отличие от перевода общеупотребительного слова основан на прочной, регламентированной связи наименования и явления. При переводе термина крайне важно учитывать, чтобы место термина в терминологическом ряду ИЯ соответствовало месту термина на ПЯ.

В терминоведении фиксируют обычно следующие **основные требования к термину**:

- 1) однозначность (относительная), выражающая точность, определенность значения: *a bargain and sale deed, Kaufvertrag* – договор купли-продажи; *cross-claim, Gegenklage* – встречный иск;
- 2) системность, указывающая на связь между понятиями и место среди них (юридические термины с компонентом *law* или *Recht* – *lawsuit, lawbook, lawmaking, lawyer, Rechtsakt, Rechtsfähigkeit, Rechtsgeschäft, Rechtsanwalt*);
- 3) стилистическая и экспрессивная нейтральность (*guilt, Schuld*) (Лейчик 2007).

Важное значение для процесса перевода имеет соотнесение терминов с концептами, выделение тематических групп, выражающих концепты, поскольку это способствует выбору наиболее адекватного средства передачи каждого входящего в группу термина. В актах межкультурной правовой коммуникации, даже располагая

знанием об особенностях языковой картины мира у членов другого правового сообщества, невозможно достигнуть взаимопонимания из-за существования разных концептуальных картин мира у участников коммуникации. Переводчик фактически сталкивается с необходимостью сблизить две концептуальные картины мира, принять на себя ответственность за передачу отсутствующих в другой культуре концептов.

Концепт – ментальная сущность, категория сознания, хранящая информацию о том или ином фрагменте действительности; ключевой элемент культуры (Степанов 2004). Концепт отражает существенные признаки объекта или явления, достаточные для его сущности, а также все те признаки, которые в данном языковом коллективе ассоциируются с данным объектом. Концепты выступают посредниками между ЛЕ и экстралингвистической действительностью. Поэтому одним из источников информации о содержании концептов в сознании носителей языка является семантика языковых единиц.

Все семы, входящие в толкование слова, отражают часть знаний о денотате. **Сема**, являясь минимальным компонентом значения, также представляет собой минимальный компонент той смысловой структуры, которая отражает объект или явление в сознании индивида, т.е. является концептуальным признаком. Большинство концептов состоят из трех слоев: основные признаки; дополнительные признаки; внутренняя форма. Признаки первой группы актуальны для всех носителей языка. Дополнительные признаки актуализируются в сознании лишь определенной группы носителей языка (например, профессиональной). Третья группа признаков выявляется посредством анализа специфических особенностей того или иного явления, его истории, степени значимости и т.п. Специфика юридической терминологии требует передать ту или иную мысль специальным термином, а не общепотребительным словом, выделяя при необходимости признаки соответствующего концепта и устанавливая их иерархию по степени значимости.

4. Трудности перевода юридических терминов

Трудности перевода юридической терминологии определяются комплексом причин. К основным из них можно отнести следующие: трудности, обусловленные языковой природой термина; трудности, связанные со специфическими характеристиками юридического термина; трудности, возникающие из-за расхождения объемов понятий, передаваемых терминами-аналогами, существования специфичных для одной терминосистемы единиц и отсутствия переводческих соответствий в другой.

Переводчик должен не только хорошо знать юридическую терминологию двух языков (ИЯ и ПЯ), ориентироваться в специфике двух правовых систем, но и творчески подходить к выбору наиболее удачного для определенного контекста соответствия, к введению пояснительного переводческого комментария. И здесь переводчику не обойтись без современных толковых, терминологических и фразеологических словарей.

Часто термин в ИЯ может передаваться в ПЯ двумя и более терминами, и поэтому терминологический словарь должен решать задачу адекватной выдачи всех релевантных переводных эквивалентов терминологической единицы, снабжая их определенными пометами, позволяющими выявить область их применения, либо, если речь идет о синонимах, словарь должен объяснять их смысловое терминологическое (стилистическое, коннотативное) различие. К сожалению, сегодня большинство специальных словарей ограничивается лишь перечислением переводных эквивалентов многозначного термина, оставляя за переводчиком право выбора. К тому же в словарях иногда встречаются неточности, например:

National government – федеральное, а не национальное правительство;

Но: *national committee* – национальный комитет,

national convention – национальный съезд (партии в США),

cross-claim – встречный (а не перекрестный) иск,

class action – соединенный (а не групповой) иск (Гамзатов 2004).

Проблема однозначности/многозначности термина является предметом серьезной научной полемики в терминоведении. **Полисемия** (многозначность) термина – это обозначение термином ряда концептов в системе концептов в определенной специальной области знания или деятельности, при том что в значениях многозначного термина имеются одинаковые семы, например: *юриспруденция* (лат. *juris prudentia*) – 1) правоведение, совокупность наук о праве; 2) практическая деятельность юристов; 3) решение судебных органов; *юстиция* (лат. *Justitia* – справедливость) – 1) правосудие; 2) система судебных учреждений; 3) судебное ведомство.

Многие лингвисты считают, что полисемия термина не является показателем его неточности. Чем сильнее развита система многозначности в терминологии, тем точнее установлены связи между общенаучными понятиями и отраслевым концептуальным аппаратом, тем категоризированнее и структурированнее предстает объект изучения. Полисемия термина отражает поступательный ход развития науки и выражает в семантической структуре слов принципы категоризации мира с помощью языка. Напр., русскоязычный термин *санкция* (лат. *sanctio* – строжайшее постановление) имеет следующие значения:

- 1) утверждение высшей инстанцией какого-либо акта, придающее ему правовую силу;
- 2) часть правовой нормы, статьи закона, в которой указываются правовые последствия нарушения данного закона;
- 3) в международном праве – меры воздействия (экономические, финансовые, военные) против государств, нарушивших международные обязательства или нормы международного права;
- 4) меры принудительного воздействия, применяемые к предприятиям и организациям-нарушителям установленного порядка ведения хозяйственно-финансовой деятельности;
- 5) одобрение, разрешение.

Приведем примеры полисемии терминов английского языка. Англоязычный термин *ban* имеет такие значения:

- 1) запрет; 2)
- 2) анафема, отлучение от церкви; 3)
- 3) объявление; призыв (к оружию); 4)
- 4) приказ, эдикт; статут; 5)
- 5) штраф, взыскание; 6)
- 6) пользующаяся привилегией территория (Андрианов и др. 2009).

За многими относительно новыми русскоязычными терминами стоят понятия, ранее не существовавшие в отечественной науке, экономике и юриспруденции. Поэтому неутомимый поиск наиболее близкого эквивалента или аналога в родном языке, исчерпывающего объяснения, перевода путем толкования представляется на современном этапе проявлением профессиональной компетентности переводчика. Так, часто встречающийся в юридических англоязычных текстах термин *relief* помимо основного терминологического значения «средство правовой защиты», имеет также следующие значения: «освобождение от ответственности» (*relief clause*), «скидка» (*the buyer received monetary relief of \$500*), «помощь», «пособие», «удовлетворение требования».

При переводе современных терминов и терминологических словосочетаний переводчики нередко сталкиваются с вопросами, на которые не всегда можно дать однозначный ответ. Для поиска наиболее удачного эквивалента или аналога переводчику необходимы глубокие фоновые знания, а также высокий уровень владения родным и иностранным языком. Большую помощь при этом, несомненно, могут оказать постоянные консультации со специалистами в области сравнительного и международного права, а также постоянный обмен мнениями с коллегами. Так, англоязычное терминологическое словосочетание *execution of the contract* имеет два совершенно разных значения:

- 1) исполнение контракта;
- 2) составление (оформление) контракта. Выбор релевантного эквивалента зависит, естественно, от более широкого контекста, а в конечном счете от уровня профессиональной компетентности переводчика.

Англоязычный термин *securitization* обозначает относительно новое для российской действительности явление, которое определяется аналогичным термином «секьюритизация». Для адекватного понимания этого термина необходимо вспомнить значения слова *security* – 1) обеспечение, 2) гарантия, 3) безопасность, 4) *securities* – ценные бумаги. Исходя из последнего значения и анализа сущности этого явления, термин «секьюритизация» можно определить как «преобразование каких-либо активов компании в ликвидную форму путем выпуска облигаций и иных ценных бумаг».

Сопоставительный анализ британской и американской юридической терминологии выявляет существование национально-культурного компонента даже у терминов, являющихся средством вербализации универсальных правовых понятий. Например, в американской терминологии используется *larceny*, а не *theft*, как в британской, для выражения понятия «кража», *arrest warrant*, а не *bench*

warrant для выражения понятия «ордер на арест». Хотя указанные термины переводятся на русский язык одинаково, при переводе других терминов – реалий следует учитывать специфику права Великобритании и США.

Учет специфики законодательной и правовой системы той или иной зарубежной страны, а также российской юриспруденции, безусловно, предполагает наличие у переводчика фоновых знаний, умения ориентироваться в правовых системах, тонкостях исходного языка и языка перевода. Существование корпуса единых базовых юридических понятий не исключает расхождение объемов понятий, передаваемых терминами-аналогами. Например, англоязычный термин *attorney* может иметь русскоязычные эквиваленты:

- 1) адвокат,
- 2) атторней,
- 3) прокурор.

District attorney (U.S.) – окружной прокурор, *Attorney General* – Генеральный прокурор (англ.), но Министр юстиции (амер.).

В Соединенном Королевстве сосуществуют три судебных системы: Англии и Уэльса, Шотландии, Северной Ирландии, между которыми имеются довольно значимые отличия. Например, суд присяжных в Шотландии вместо двух типичных вариантов вердикта *guilty* – «виновен» и *not guilty* – «не виновен» имеет возможность принять третий вариант решения *not proven* – «не доказано». Такой вердикт в решающей степени может повлиять на исход судебного разбирательства и судьбу подсудимого. В связи с этим возник уникальный юридический термин *Scottish verdict (dubious decision)* – «шотландский вердикт», то есть решение, основанное на сомнениях членов суда присяжных.

Только учет специфики национального права и законодательства, а также нахождение эквивалентных юридических терминов в ИЯ и ПЯ может обеспечить адекватный перевод юридических текстов и способствовать тем самым гармонизации правовых смыслов различных политико-правовых систем мира.

Юридическая терминология отражает процесс исторического развития права. Большую роль в истории становления современной юриспруденции сыграло римское право. Соответственно в формировании терминологии и стилистики правового текста первостепенное значение имеет латынь, которая вплоть до 5 века н.э. была языком культуры и образования. Некоторые современные юридические термины обладают архаичной окраской, их использование в тексте создает колорит высокого стиля. Этот эмоциональный оттенок законодательного текста связан с его высоким статусом в обществе и призван побудить граждан к правопослушному поведению.

Студентам рекомендуется вести свой **словарь юридических латинизмов**. Например: *conditio sine qua non* – непереносимое условие; *ergo* – следовательно; *actus reus* – преступление; *mens rea* – вина; *de lege ferenda* – с точки зрения законодательства; *in dubio pro reo* – сомнения в пользу подсудимого; *dura lex, sed lex* – закон суров, но это закон; *sui generis* – своего рода; *pro and con* – за и против; *ex officio* – по должности; *status quo* – исходное положение; *via* – путем; *per se* – само по себе.

Специфические трудности возникают при устном переводе терминов римского права. Эта терминология произносится так, как она звучит на латинском языке, но существует и ее английское произношение, значительно отличающееся от латинского, иногда в двух или трех вариантах. Например:

Casus belli [ka:ses beli:] [keises bellai] – основание, формальный повод объявления войны и начала военных действий.

В современных терминосистемах (в т.ч. юридической) количество терминов-словосочетаний превышает количество терминов-слов. Напр., основная масса терминов, выражающих концепт *imprisonment* в юридической терминологии также представлена словосочетаниями, в которых в качестве главного слова выступает ЛЕ *imprisonment*. Этот термин является дериватом (производным) термина *to imprison*, который определяется как *to put or keep someone in prison, jail*. **Imprisonment** – *a penalty imposed by a court under which the individual is confined to an institution*. Термин *imprisonment*, таким образом, предполагает наложенное судом наказание лица посредством заключения в пенитенциарное учреждение. Основной признак концепта – *penalty*, дополнительные – *by court, individual, jail, prison*. Ряд значений терминов, соотносящихся с концептом *imprisonment*, отражают в своем семном составе условия содержания в заключении, его длительность, правомерность или неправомерность действия: *penitentiary imprisonment* – правомерное лишение свободы; *false (improper) imprisonment* – неправомерное лишение свободы; *imprisonment at hard labor* – лишение свободы с каторжными работами; *strict imprisonment* – строгое тюремное заключение; *imprisonment for life* – пожизненное тюремное заключение.

5. Обучение переводу фразеологизмов

Культурно-специфическая информация, составляющая пространство переводческого процесса, передается в том числе и посредством фразеологических единиц. Передача значения фразеологизмов относится к числу наиболее сложных переводческих проблем. Сложность передачи идиоматичности юридического дискурса при переводе обусловлена в первую очередь тем, что большинство ФЕ включает в себя культурно-специфические смыслы, которые не отражают жизненный опыт носителей языка перевода. Система образов, закрепленных в фразеологическом составе языка, аккумулирует мировидение носителей той или иной лингвокультуры.

Как отмечает А.М.Пыж, в коллективном сознании исследователей термины прочно ассоциируются с точностью номинации, заключающейся во взаимно-однозначном соответствии внутренней формы и значения языкового знака, а идиомы – с неточностью номинации, заключающейся в несоответствии внутренней формы и значения языкового знака. Но такая корреляция существует лишь «в идеале». Термины и идиомы выделяются по разным основаниям. Термины – это в первую очередь функциональный разряд, а идиомы – преимущественно структурный. Между терминологическим и идиоматическим фондами языка имеет место отношение пересечения (Пыж 2009).

Проблема передачи идиоматичности юридического дискурса при переводе представляется весьма актуальной в лингвометодическом аспекте, поскольку обучение передачи значения фразеологизмов, функционирующих в ситуациях межкультурной коммуникации, является важной задачей процесса профессиональной подготовки будущих переводчиков. Обучение переводу фразеологизмов, достаточно часто встречающихся в юридическом дискурсе, как устном, так и письменном, играет существенную роль в процессе формирования и развития способности переводчиков к трансляции культурно-специфических смыслов информации, составляющей пространство перевода.

Фразеологический слой юридического дискурса имеет две составляющие. Во-первых, это общеупотребительные единицы фразеологического фонда национального языка. Такие ФЕ могут встречаться как в юридических, так и в других текстах. К таким ФЕ можно отнести следующие: *to take into account* – принять во внимание, *checks and balances* – система сдержек и противовесов, *a black tie event* – официальная встреча, *UN peacekeeping forces* – миротворческие силы ООН, *time limits* – срок давности, *costs and expenses* – судебные издержки и расходы, *to dismiss the application* – отклонить жалобу.

Вторая составляющая – это собственно юридические идиомы, возникшие на основе образного переосмысления значения общеупотребительных языковых единиц. Их специфика состоит в том, что они представляют собой речевые штампы, клише и терминологические словосочетания, используемые почти исключительно в сфере права. К ним, например, относятся: *twelve honest men* – присяжные заседатели; *the bar and the bench* – адвокаты и судьи; *rogues' gallery* – полицейский архив фотоснимков преступников; *to make default* – 1) не исполнять обязанности; 2) не являться в суд; *to meet claim* – оспаривать иск; *in accordance with the law and penal procedure* – в соответствии с законом и уголовно-процессуальным правом; *Contracting Parties* – договаривающиеся стороны; *respondent State* – государство ответчик; *opinion on the merits of the case* – заключение по существу дела; *to exhaust domestic remedies* – исчерпать внутренние средства защиты; *pecuniary or non-pecuniary damages* – материальный и нематериальный ущерб; *at the date of adoption of the present judgment* – на момент принятия данного решения; *arguments of those appearing before the Court* – аргументы выступавших в суде; *to exercise all the powers* – осуществлять все полномочия; *handgun lobby (USA)* – «стрелковое лобби» (отстаивает право беспрепятственной продажи стрелкового оружия населению США).

Студентам следует объяснить, что с позиций когнитивистики образование ФЕ можно рассматривать как возникновение новых концептов на основе переработки предыдущего опыта и образного переосмысления уже существующих в данной национальной лингвокультуре концептов. Концепты могут быть выражены словом, свободным словосочетанием, фразеологизмом, грамматической категорией. Наиболее частотным способом выражения значения концептов являются единицы лексического и фразеологического уровней. Среди ФЕ исследователи различают фразеологические сочетания, фразеологические единства, фразеологические сращения, устойчивые сравнения, пословицы, цитаты.

В качестве модели для образования концептов, вербализованных фразеологизмами, в англоязычном юридическом дискурсе достаточно широко используется цветовая символика. Например: *black market* – черный рынок; *black*

economy – тeneвая экономика; *white collar crimes* – «беловоротничковая» преступность; *green audit* – проверка предприятия с целью выяснить, как его деятельность сказывается на окружающей среде; *green consumers* – покупатели, которые принимают во внимание необходимость охраны окружающей среды при покупке товаров; *blue chip company* – компания «голубых фишек», то есть крупное акционерное общество с большим количеством активов (акции названы по цвету самой дорогой фишки в покере); *golden share* – золотая акция (количество акций, которым может владеть единоличный инвестор, когда по договору государство имеет право вмешиваться в дела приватизированной компании и ограничивать количество акций); *golden parachute* – золотой парашют (форма контракта, по которому менеджеры высшего звена получают крупную сумму в случае окончания срока контракта или перехода компании к другим владельцам).

Опыт обучения свидетельствует о том, что наибольшую трудность у студентов вызывает перевод фразеологизмов, образованных посредством метафорического или метонимического переосмысления. Степень мотивированности значения в таких фразеологизмах может варьироваться от достаточно высокой до полного ее отсутствия, например: *blue chip* – «голубая фишка», *play hardball* – проводить сделки в жесткой манере, *composite picture* – фоторобот, *front man* – подставное лицо, *finisher of the law* – палач, *cat burglar* – вор-форточник, *clublaw* – кулачное право.

Существует несколько способов передачи значения ФЕ средствами другого языка. ФЕ могут переводиться как эквивалент, аналог, калька, описательный оборот, переводческий комментарий, калька плюс описательный оборот. Эквивалентный перевод имеет место в том случае, если в ИЯ и ПЯ в основе ФЕ лежит один и тот же образ. Обычно такой перевод возможен в случае с так называемым «интернациональными» фразеологизмами. Однако и здесь могут возникнуть трудности из-за незнания переводчиком значения этих ФЕ.

Так, при контрольном переводе текста с английского языка на русский часть студентов не смогла найти эквивалентное соответствие для заголовка текста «*Seeing the wood for the trees*», хотя уже в первом предложении раскрывалось (описывалось) его значение: «*It is arguable that the key skill for the effective litigator is an ability to see the wood for the trees – that is the ability to identify what is most important in a case*». Успешные студенты указали при анализе перевода на существование интернационального фразеологизма «за деревьями не видеть леса», «den Wald vor lauter Bäumen nicht sehen» (нем.), исходя из значения которого для заголовка данного текста они нашли русскоязычный эквивалент «Видеть лес за деревьями», «Видеть главное в каждом судебном деле».

Более известным для студентов оказался ФЕ – библеизм «*to throw pearls before swine*» – метать бисер перед свиньями (напрасно говорить или доказывать что-либо тому, кто не способен или не хочет понять это); «*Perlen vor die Säue werfen*» (нем.); «*donnez des perles aux porcs*» (фр.).

Как отмечалось выше, причиной сложности передачи содержания ФЕ в процессе перевода является то, что фразеологический фонд любого языка отражает конкретно-исторические реалии жизни нации, национально-культурную специфику менталитета народа-носителя той лингвокультуры, в которой формировался тот или иной фразеологизм. Этот фактор следует обязательно

учитывать в процессе обучения переводу ФЕ, функционирующих в юридическом дискурсе в качестве речевых клише, штампов, терминов.

Например, аналогами русскоязычной поговорки «На нет и суда нет» являются соответственно англоязычная *Where nothing is to be had the king must lose his right* и немецкоязычная *Wo nichts ist, da hat selbst der Kaiser sein Recht verloren*. Другие примеры национально-культурной специфики ФЕ: *to be caught red handed* – быть пойманным на месте преступления; *gnomes of Zurich* – «цюрихские гномы» (швейцарские банкиры) – в основе данной ФЕ лежит фольклорный образ карлика, который живет под землей и охраняет подземные кладовые, полные золота и драгоценностей.

Непосредственный интерес студентов вызывают анализ и обсуждение специфических ФЕ в австрийском варианте немецкого языка, среди которых встречается немало жаргонизмов. Например: *ohne Obligo sein = frei von jeder Verpflichtung sein* – быть свободным от каких-либо юридических обязательств; *böhmisch einkaufen, den böhmischen Zirkel machen=stehlen* – воровать; *polizeiliche Einvernahme =Vernehmung* – допрос; *der grüne Heinrich= die grüne Minna (Gemüsewagen)* – полицейский автомобиль (обычно зеленого цвета) для перевозки арестованных; *linke Kassive=falscher Paß* – фальшивый паспорт; ср. рус. «ксива» – (незаконный) документ (жарг.); *Besuch mich in Krakau, dann bist du bald in Polen!* – иди куда подальше! (выражение категорического отказа, базирующегося на географических реалиях); *die Mauer machen=bei einer Untat durch Wachestehen Hilfe leisten* – стоять на стреме во время преступления; *Strade kehren=Strassenraub begehen* – совершить уличный разбой; *stellig machen=ausfindig machen* – разыскивать, устанавливать; *Vurschrift ist Vurschrift!=Vorschrift über alles!* – приказ есть приказ! (венский вариант).

6. Заключение

Таким образом, можно сделать следующий вывод. Лингводидактическая концепция, основанная на использовании в процессе обучения юридическому переводу сопоставительного анализа национально-культурных концептосфер, контактирующих в учебном процессе, помогает студентам овладеть разными системами концептуализации юридической действительности, что способствует развитию переводческой компетентности, эвристических и лингвокреативных способностей будущих переводчиков.

Библиография

- Андрианов С.Н., Берсон А.С., Никифоров А.С. 2009. *Англо-русский юридический словарь*. М.: АБВУУ Press. 55.
- Гамзатов М.Г. 2004. *Техника и специфика юридического перевода*. СПб: Санкт-Петербургский государственный университет. 30-44.
- Губаева Т.В. 2004. *Язык и право*. М.: Норма.
- Levitan K.M. 2007. *Zum Erwerb kommunikativer Fachkompetenz von Jurastudenten*. In: Prof.-Dr. Bernd Oppermann, Prof.-Dr. Joachim Heilmann (Hrsg.). *Reform der russischen Juristenausbildung*. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft. 157-164.
- Левитан, Константин. 2008. *Обучение языку профессиональной коммуникации студентов юридических вузов и факультетов*. Rossica Olomucensia, XLVI-II. Olomouc. 229-232.
- Лейчик В.М. 2007. *Терминоведение: предмет, методы, структура*. М.: ЛКИ.
- Пыж А.М. 2009. *Идиоматика в сфере английской юридической терминологии*. Фразеология и терминология: грани пересечения (Т.Н.Федуленкова и др.). Архангельск: Поморский государственный университет. 86-95.
- Степанов Ю.С. 2004. *Константы: Словарь русской культуры*. М.: Академический проект. 42-43.
- Rabel, Ernst. 1967. *Arbeiten zur Rechtsvergleichung und zur Rechtsvereinheitlichung*. In: J.C.D. Mohr, Paul Siebeck (Hrsg.). *Gesammelte Aufsätze*. Band III. Tübingen.